

Гехтляр Светлана Яковлевна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русской, зарубежной литературы и журналистики,
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского,
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, e-mail: sv_ge@mail.ru

Gekhlyar Svetlana Ya.

Dr. of philology, Professor,
Department of Russian, Foreign Literature and Journalism,
Petrovsky Bryansk State University,
241036, Bryansk, Bezhitskaya St., 14, e-mail: sv_ge@mail.ru

Карпенко Екатерина Викторовна

кандидат социологических наук, доцент, Брянский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
241050, г. Брянск, ул. Горького, 18,
e-mail: ekakarpenko@yandex.ru

Karpenko Ekaterina V.

PhD in sociology, Associate professor, Bryansk branch of the
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
241050, Bryansk, Gorkogo st., 18, e-mail: ekakarpenko@yandex.ru

**В ЗАЩИТУ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЯЗЫКОВЫХ
«НЕПРАВИЛЬНОСТЕЙ»**

Обращенный вовне, всякий текст, в том числе и публицистический, стремится либо развлечь, либо побудить к какой-либо деятельности, либо помочь потенциальному потребителю по-новому взглянуть на себя. Единственный материал, из которого все это «лепится», — слова, и на творческой кухне язык способен оказываться как пособником, так и вредителем, но в любом случае — авторским зеркалом. Статья о том, что в нарушениях нормы — один из источников выразительности, о том, как заставить это зеркало «не корчить рожи».

Ключевые слова: норма, успешность общения, информативность нарушений.

IN PROTECTING AS CALLED «WRONG»

Facing outwards, any text, including publicistic, tends either to entertain or a solicitation of an activity or help the potential consumer in a new way to look at ourselves. The only material from which all this «molded» — the words and the language of the creative kitchen can be provided as an accomplice, and pest, but in any case — the author's mirror. Article that, in violation of — one of the sources of expression, how to make a mirror «not make faces».

Keywords: normal, successful communication, information breaches.

То, что сегодня известно о языке го существующего, далеко ушло от как особом механизме, который в традиционных представлений. И эти то же время разделяет природу все- представления все больше убежда-

ют: нет резких границ между явлениями, не только слово меняет значение, но одна форма, одно сочетание слов в зависимости от наполнения может представлять разные значения, и это не ошибка. Один из лингвистов привел пять возможных наполнений высказывания учителя: «Я поговорю с твоими родителями».

Рушатся границы, перестают действовать правила. Это не совсем удобно, но это приближает к истине. Когда-то считалось: обилие в языке синонимов — свидетельство развитости, силы, величия языка, а вот омонимы — его, языка, будто бы слабость. Сегодня понятно одно: все, что происходит в языке, происходит под воздействием его собственных законов, ни человек, ни общество не может в них вмешаться напрямую. Наше влияние и вмешательство отражается, конечно, в языковой системе и структуре, но *глядеть на это отражение следует только как в зеркало*.

Связи ЯЗЫК — МЕНТАЛИТЕТ — ХАРАКТЕР многочисленны. Выбор обусловлен:

- скопившимся материалом;
- темами, с которыми часто возникают проблемы (к таким относятся, например, история нашего имени, отчества, проблемы заимствований, жаргонизации, условия успешности общения).

Из-за того, что хотелось заострить внимание на некоторых нестандартных подходах, возникло, возможно, какое-то число неточностей, двусмысленностей. Например: привычна для нас стала опора на НОРМУ, школа ее ставит во главу угла, норме продолжает обучать и вуз. Но ведь одно усвоение нормы ничего не дает! И не всегда возможно увидеть нарушение. *Своеобразная визитная карточка* — с нормой в этой фразе все в порядке, но она ведь никуда не годится!

И напротив, бывают благотворные результаты нарушения нормы. И публицистика, и художественная литература просто нуждаются в нарушениях, по большому счету, любая метафора — уже нарушение.

Так есть ли вообще проблема *правильного* в языке или всегда это в определенной степени воля говорящего и пишущего?

Мы редко говорим и пишем об этом: категория *правильности, правила*, — как бы странно это ни звучало для многих из нас, — имеет *отдаленное* отношение к *языку вообще*, а если и имеет, то отношения эти очень своеобразны.

Каждого из нас учили в школе: *правильное, правила* для любого языка, в том числе и для русского, — это следование языковой *норме*. А как норма устанавливается? Меняется ли она, для всех ли обязательна? Нарушение нормы — это всегда ошибка?

Нет, не всегда. Ведь норма в том виде, в каком мы воспринимаем ее, входит в число необходимых составляющих *только для литературного языка*, а литературный язык (*именно ему обучает школа* — это только одна, очень важная, спору нет, но только одна из форм языка. Есть еще территориальные и социальные диалекты, есть просторечие и жаргоны, которые литературной норме совершенно не подчиняются. Если мы слышим: «Я говорю им ложьте, а они не ложут», это, конечно, нарушение правила, но только с точки зрения *литературной нормы*, в целом же в самой языковой системе и такие формы заложены и для чего-то существуют. И что интересно — существуют с позиций *языка вообще* не только законно, но и выполняют определенную функцию, точнее, способны выполнять различные функции, если мы сумеем ими

распорядиться. Например, норма не указ не только для художественной литературы, но она не указ и для жаргона, и для профессионального языка. В норме, к примеру, *кОмплас* — у моряков *комплАс*.

Когда Пастернак писал свое стихотворение «На ранних поездах» (30-е гг. XX в.), в строчке «Здесь были бабы, слобожане, учащиеся, слесаря» последним словом он делал уступку стихии народной речи. Сегодня форма *слесаря* звучит вполне естественно, однако ни *ложит*, ни *тортА* сегодня так и не прижились. Как не прижились пока *кофе-оно*, *звОнит*. Правда, специалисты из Института русского языка РАН откровенно говорят: *пока*.

Норма всегда ориентирована на речь интеллектуальной элиты, но при этом должна чуждаться консервативности.

Конечно, говорим мы об этом совсем не для того, чтобы призвать всех использовать нелитературные формы. Только для того, чтобы пояснить: у разных форм языка — разные и задачи, и прежде чем что-то осуждать или запрещать, хорошо бы понять. Каждый из нас может вспомнить эпизоды, когда такое понимание помогает.

Например, широко известны случаи, когда мы отклонения не только от литературной нормы, но даже вообще от логики и здравого смысла принимаем спокойно: не возмущаемся же *неправильностью* выражения «солнце *всходит*», хотя давно известно, что оно не *всходит*, не *заходит*. Или повторяем спокойно: «*синяя* краска», «*красные* чернила», не возмущаясь небывалым сочетанием и не задавая вопроса: как это *красное* может быть *синим* или *черное* — *красным*?

А в других похожих случаях такого снисхождения нет, и мы начинаем

вдруг призывать какие-то языковые формы не вольничать с нами: «*Что такое война?*» — спрашивает ребенок. «*Это когда люди убивают друг друга*», — отвечает мама. «Но разве бывает, что люди убивают *друг друга*», — резонно возмущается малыш, — *убивают* ведь только *враг врага*».

Значит, интересно повнимательнее взглянуть в эту, редко обсуждаемую и потому мало известную способность языка, — использовать в целях повышения выразительности не только те средства, которые определены нормой, но и сочетание нормативных и ненормативных средств, средств, представляющих действующую и устаревшую норму, действующую и возникающую. А порой использовать и вовсе ненормативные явления.

В принципе мы с такими явлениями сталкиваемся постоянно. Читаем, например, у Пушкина: «Нет, *весь я не умру...*» Разве это правильно? Где это видано, чтобы *умирание* различалось *частями*? А дальше в том же знаменитом стихотворении «Памятник»: «*Душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит...*» Правильно было бы: *тленья избежит*. Или: *от тленья убежит*. Почему было не сказать так? На каком основании у поэта *неожиданное* сочетание?

Стоит вчитаться в русские народные сказки, полистать пьесы или сборники поэтов разных эпох, взглянуть в строчки публицистики, как выясняется: тексты «кишат» так называемыми *неправильностями*, как бактериями невымытые руки пятиклассника. У поэта Батюшкова встречаем, например, выражение «*без ночи, без зарей*» (вспомним: *заря* — *зори*, следовательно, родительный падеж множественного числа — *без зорь*); в одной из сказок читаем: «*Девочка не боялась остаться*

одна» — сразу ли замечаем, мешает ли нам явная двусмысленность: *не боялась*, так как была *смелая*, или *не боялась* — так как знала, что ее *не оставят*? Разве это правильно, что совмещаются оба значения?

Но Пушкин, Батюшков — предположим, это было давно, а вот наш, можно сказать, современник, поэт Н. Гумилев пишет: «...бунт на борту обнаружив...»... Бунт можно *предотвратить*, *подавить*, *разоблачить*, но что значит — *обнаружить* бунт? Или еще пример из его стихов: «...что умеет на вражьи фелуки неожиданно бросить *фрегат*...». *Фрегат* — трехмачтовый многопалубный корабль, у которого 40–50 орудий на борту, а *фелуга*, *фелука* — рыбацкая лодка, нападение на нее фрегата — это смешнее, чем из пушек по воробьям. Но поколение за поколением твердят с удовольствием прекрасные стихи, не замечая несурзаицы, — такова специфика стиха, замороженность ритмом, музыкальностью.

Интересно, что поэты сами эту свою «необязательность» в следовании норме и логике знают. Например, Маяковский писал: «Нами лирика в штыки неоднократно атакована, / Ищем речи точной и нагой, / Но поэзия — пресволочнейшая штуковина, / Существует — и ни в зуб ногой!». Вот, оказывается, как: речь точная и нагая — совсем не обязательно *логичная* и *правильная*, и уж совсем не обязательно элитная, т.е. гладкая, лишенная шероховатостей, совсем не обязательно не косноязычная... Да еще и вопрос — что такое косноязычие?...

На том, как важны иногда уклонения от элитарности, как правильности и неправильности «работают» не только на прозу, поэзию, но и в средствах массовой информации, в ежедневном общении, т.е. о том,

как выполняют определенные задачи в системе коммуникаций, остановимся подробнее.

Литературные нормы, конечно, необходимы, мало того: чтобы заставить неправильность работать на выразительность речи, чтобы использовать ее энергетiku, надо прежде всего хорошо эти нормы знать и уметь отличать правильное от неправильного. Чтобы превратить недостаток в достоинство, надо требования правил знать лучше, чем для обычного общения на уровне нормы. Скажем точнее: только человек с исключительным языковым чутьем способен превращать недостаток в достоинство, причем чутье такое нужно не только для того, чтобы *создавать* тексты, где «обыгрываются» неправильности, но и для того, чтобы эти тексты *воспринимать*.

Если исходить из того, что в каждом нашем высказывании наряду с *информативным* содержанием имеется элемент *шума*, то именно *нарушение* общепринятого делает этот шум *информативно существенным*.

И вот какую закономерность можно отметить: когда мы говорим о каком-то писателе или поэте, что язык его труден для восприятия, о том, что многое непонятно, мы имеем в виду, по существу, трудности восприятия *информативной значимости шума*. Например, принято говорить о косноязычии Достоевского. Или о сложности произведений Пастернака. Но меньше всего можем мы поверить, что такие мастера слова не знали норм литературного языка или не замечали возникающих двусмысленностей. Значит...? Значит, это было им для чего-то нужно?...

Вот Пастернак пишет:

«Любить иных — тяжелый крест, / А ты прекрасна без извилин, / И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносильна».

Исходя из бытовой логики, можно понять поэта так: «тяжело любить очень умных, а ты, несмотря на недостаток ума (без извилин) (а может быть, благодаря ему) прекрасна». Такому толкованию способствуют толкования словарей и даже случаи употребления слов: про недалекого человека говорят, что у него *не хватает извилин*, да вот и Маяковский писал: «В мозгу у Вилли мало извилин...». Но не странное ли сочетание для лирического признания? Ничего себе комплимент придумал поэт для возлюбленной!

Так и есть, не сообщает тут Пастернак о недостатке ума. На самом деле он просто придает слову двунаправленную семантику: с одной стороны, он соотносит извилины не с местоимением (не ты... без извилин), а со словом *прекрасна* (т.е. «прекрасность не искривлена», а это уже комплимент: для русского менталитета все, что связано с *кривизной*, равносильно левизне, имеет отрицательный оттенок); с другой стороны, без *извилин* соотносится с *любить* («тебя любить легко, как идти прямой дорогой, без извилин»).

Как видим, мысль проста и ясна, но часть слов остается как бы за кулисами, ведь недосказанность — воздух поэзии. И, добавим, — необходимая составляющая труда для читателя. Это одно из наших заблуждений, когда считается: «...чтобы словам было тесно, а мыслям просторно», на самом деле концентрированной, не расслабленной должна быть мысль, а слова тесниться не должны.

Такого рода сложности, требующие анализа и восстановления ассоциативных, не звучащих элементов текста, имеются в строчках даже самых хрестоматийных стихов Пастернака.

Многие помнят, например, что, говоря о художнике, Пастернак за-

являет: *«Ты — вечности заложник / У времени в плену»*. Норма современного русского языка недвусмысленно говорит: *родительный падеж существительного* при слове заложник означает чаще всего *того, кто взял в плен*, в прямом смысле, ср. *заложники чеченцев*, или в переносном смысле, ср.: *заложники неудачных решений*. Поэтому приведенные выше строчки легче всего понять так: вечность *взяла*, захватила художника в заложники. Но достаточно вникнуть и шире посмотреть на выразительные возможности языка, чтобы понять: хотя и менее распространенным, но все же употребляющимся является еще одно значение такого родительного падежа, т.е. слово *вечности* может означать (и означает здесь на самом деле!) *того, у кого взят заложник*, т.е. в приведенных строчках поэт сказал: *художник принадлежит вечности, а время — лишь временное его пристанище, плен*. Ну разве можно допустить, чтобы из-за нежелания подумать истинный смысл такой прекрасной метафоры прошел мимо нас?...

Или еще пример из того же Пастернака. Широко известно стихотворение *«Быть знаменитым некрасиво...»*, но кто себе объяснил, что значат в этом стихотворении слова: *«И надо оставлять пробелы / В судьбе, а не среди бумаг...»*? Самое первое, что приходит на ум: поэт утверждает, что не все, о чем пишешь, должно быть пережито. Можно не жить, не страдать, но бумагу испиши, т.е. отобрази явления жизни, — как будто призывает Пастернак, — даже если сам ничего подобного не пережил. Встречается, — уже у литературоведов, — и другая трактовка этих слов: «Не все из пережитого доверяй бумаге». Согласуются ли такие интерпрета-

ции с нашим знанием о судьбе поэта, который не только стихи, но и роман свой считал в широком смысле автобиографией? А главное, согласуется ли с выразительными возможностями слова? На слова и стоит посмотреть внимательнее.

И действительно. Здесь, как и в других случаях, *неоднозначность* понимания не означает *непонятность*, неопределенность. Если вдуматься в значение слова *пробел* (слово многозначно, но сюда подходит первое, отмечаемое толковым словарем значение: «промежуток, незаполненное место между частями текста»), то становится понятно, во-первых, что употреблено слово в переносном значении: *пробел в судьбе* — означает, видимо, *не пропуск*, а *отказ от прямого высказывания* (*ведь и пробел в печатном тексте — это, по большому счету, — не пустое место*); можно предположить, что автор имел в виду призыв к житейскому смирению, бытовой нетребовательности, сдержанности и немногословию, которые при этом не должны распрстраняться на творчество.

Есть тут элемент отступления от требований однозначности? Есть. Но есть и право на такое отступление, которое обусловлено сложностью и многозначностью поэтического текста.

Чтобы не только *вкладывать* в текст, но и *вычитывать* из него максимум заложенного, важно уметь признавать, что *смысл, содержание* должны *колебаться и двоиться*. И не только в уме читателя, но и самого автора. Когда поэт говорит: «*Прижимаясь щекою к улитке / Вкруг себя перевитой зимы*», он, конечно же, не имеет в виду, что в природе существует какая-то зима-улитка, но при этом помогает нашему воображению воссоздать образ зимней

стихии. С ее белизной и закрученностью (метели, пурга, вьюги), через сходство с белым и скрученным панцирем улитки...

Таким образом, признавая, что не всегда возможно вытянуть образ в логическую линию, мы утверждаемся во мнении об особых возможностях речи и о гибкости языка, прирученного мастером.

Но только ли поэтическая речь способна использовать эту гибкость?

Нет, не только, точно такая же «экспериментальная мастерская» по созданию и оформлению сложных и выразительных смыслов «работает» и в рамках других языковых форм.

Во-первых, если взглянуть даже в стандартные проявления языка, можно обнаружить и в них примеры расплывчатости, требующие для прояснения контекста: *Ее портрет*. Она рисовала или ее? Или вот еще фраза: *Самолет — это опасно*. Для того, кто в воздухе, или на земле? Мы знаем, что бывают оба варианта. Оказывается, действуют определенные законы, в соответствии с которыми при неоднозначности мы все-таки воспринимаем именно так высказывание, как требуется ситуацией. Как правило, если человек, заходя в комнату, говорит: «Как здесь душно!», находится кто-то, кто открывает форточку.

Но бывают случаи, когда один из возможных смыслов сам по себе не проясняется, возникает опасность «поломки» в речевой цепи. Например, в телевизионной программе «Время» как-то вне объясняющего контекста прозвучала фраза: «Были сделаны выводы из критики президента». Президент критиковал или критиковали президента?..

Во-вторых, приходится иногда, для придания своему высказыванию оттенка иронии, насмешки, или для того, чтобы скрыть робость, сму-

щение... Да мало ли какие ситуации возникают в процессе общения, когда нужно дать понять собеседнику содержание подтекста! Так вот, каждый из нас в подобной ситуации интуитивно прибегает... к отклонениям от литературно-языковой нормы. И не только вставляет при этом нецензурные или полуцензурные слова, не только опирается на частицы и междометия (*это, так, да, как бы, их* сейчас называют дискурсивными словами), но и запросто ломает грамматические режимы разных уровней.

Например, слову можно придать несколько иной *фонетический облик* — и оно сразу начинает ассоциативно соотноситься с другим предметом, явлением, не тем, который оно называет в действительности, таким образом меняя оценки и оттенки.

Иногда с такой целью мы меняем род, склонение, морфологические и синтаксические параметры слова или целого предложения. Например, если во время сборов в театр или на концерт жене не страшно превысить уровень раздражения мужа, спрашивающего с тщательно скрываемой яростью: «Сколько мне еще ждать?», можно сострить: «Два часа» (т.е. сделать вид, что не поняли его вопроса, который на самом деле был вовсе не вопросом, а напоминанием: «Я жду уже очень долго»).

Есть и еще одна область «узаконенных нарушений». Точно такие

же языковые процессы лежат в основе дополнительных смыслов, на которых держатся разного рода каламбуры и анекдоты. Например: Газета, — писал Б. Шоу, — это такое явление, для которого нет разницы между падением с велосипеда и падением империи.

Умение пользоваться всеми возможностями языка, а не только теми, которые предоставляет нам литературно-языковая норма, — важнейшее условие хорошей речи, но не единственное. Умение хорошо говорить — это, кроме прочего, *овладение навыками самоконтроля*, в жизни вообще и в речи в частности; *отсутствие самоуверенности* — а отсюда наличие привычки сомневаться и проверять себя (и выработка главной привычки — заглядывать в словарь!), умение, выступая в роли говорящего, *не забывать о позиции слушателя*, только это позволяет всегда проявлять в процессе общения уважение к собеседнику, партнеру и вообще к любому человеку. Но главное, конечно же, — содержание.

И особенно важно подчеркнуть, что ни профессионализм, ни языковое чутье, позволяющее использовать выразительные и стилистические возможности языка, не способны заменить (и не способны отменить), слава Богу, традиционные для русского языкового сознания требования нравственного характера.